

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(4Рос=Рус)6-4
М91

Мурашова, Екатерина.

М91 Дом за радугой: [для среднего школьного возраста] / Екатерина Мурашова. — М. : Самокат, 2020. — 304 с. — (Встречное движение). — ISBN 978-5-91759-882-6.

У людей нет больше необходимости делать что-то в реальном мире, всё уходит в сеть. Там есть всё, что нужно для счастья — проверенного и безопасного. Соприкосновение с реальностью не приветствуется — по крайней мере без проработки с психотерапевтом. «Дом за радугой» — фантастическая повесть психолога Екатерины Мурашовой, в которой дивный новый мир уже наступил.

© Мурашова Е., текст, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

ISBN 978-5-91759-882-6

ЕКАТЕРИНА МУРАШОВА

Дом
за радугой

Москва Самокат

Пролог

— Ну же, давай! Давай!

Саша замер с ножом в поднятой руке и даже зажмурился.

Получилось красиво, совсем как в фильме. Стоп-кадр. То ли убийца, то ли его жертва вспоминают всю свою жизнь до этого. А зритель получает время прочувствовать драматичность момента.

Потому что потом картинка изменится уже непоправимо. Да и будет ли вообще эта «жизнь-потом», или все разобьется, так что и осколков не соберешь?

— Дим, ты точно уверен? — жалобно спросил Саша.

Я видел, что ему очень хочется, чтобы я сказал что-нибудь вроде «да ладно, ну его!» — и мы бы пошли дальше играть, или разговаривать, или придумывать что-нибудь.

Но я знал, что все это уже невозможно. Как говорят в таких случаях герои книг, фильмов и игр: «Я перешел черту»? Ну да, как-то так.

— Давай же!!! — завопил я, и Саша, закусив губу, послушно перехватил нож поудобнее и склонился над моей шеей.

Я перешел черту. Когда и как это случилось?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вся жизнь до

Глава 1

Би

Я думаю, все началось с того, что умирала Би. Би — это моя прабабушка, бабушка папы. Она сама когда-то велела мне называть себя так — получалось как бы бабушка два раза (биплан, бикини). Маме это имя не нравилось — не знаю почему. Она говорила, что правильно было бы называть Би Клавдией Николаевной или уж бабой Клавой, чтобы отличалось от бабы Иры и бабы Мали (мамы папы и мамы мамы соответственно). Мне почему-то становилось смешно, я рассказывал Би, а она потом говорила кому-нибудь из своих подружек: «Баба Клава — только представь! Я хохотала, как гиена...»

И вот Би умирала. Она тогда уже переехала из своей квартиры на Фонтанке в хоспис где-то на краю города. Я каждый день ездил туда после школы на автотакси. Мама говорила, что каждый день — это совершенно необязательно, отвлекает меня от занятий и утомляет

бабушку. Папа ей возражал: «Оставь его в покое. Пусть ездит, если ему надо. Ты же знаешь: она очень вложилась в его воспитание, они всегда были как-то по-особому близки и много времени проводили вместе...» «Не уверена, что этот несомненный факт меня радует...» — замечала на это мама. Мне хотелось визжать, топтать ногами и орать на папу, чтобы он не смел говорить про Би в прошедшем времени, потому что она еще жива.

Би была мне рада — я знал наверняка.

Я всегда привозил ей розу — не заказывал в доставке, а сам заходил в гипермаркет по дороге и выбирал — с длинным стеблем и не до конца распутившуюся, и цвет — по настроению, погоде и вообще. Би любила розы, она говорила: «В этом цветке есть некая достаточность, как в хорошо темперированном клавире». Не знаю, что такое хорошо темперированный клавир, и никогда не пытался узнать. Про это Би говорила так: «В окружающей тебя жизни всегда должна оставаться тайна, загадка. Это скрепляющая субстанция. Если она исчезает, ткань бытия моментально начинает расползаться прямо под пальцами». Би считала, что Ойкумет и инфочипы прекратили подлинное существование человечества как цивилизации познающих мир личностей-единиц. Нынешнюю цивилизацию она называла плазмодием. Что такое «плазмодий», я все-таки выяснил. Это из биологии — такое странное живое существо, нечто среднее между одноклеточными и многокле-

точными. У него много ядер, но между ними нет клеточных перегородок. Почему-то я всегда представлял этот плазмодий сидящим на свежеспеленном пне и смотрящим в небо.

Я сбрызгивал розу водой, подрезал стебель и ставил в длинную узкую вазу, бросал туда таблетку из высокого пузырька. Би верила в аспирин и считала его суперлекарством; особенно ей нравилось, что с его помощью можно паять. Каждая роза жила у бабушки один день, а на следующий отправлялась к сестрам, нянечкам, в комнату волонтеров или в палату к тем умирающим, кого не навещал никто из родных. В узкой вазе появлялась моя новая роза — другого цвета.

Би, в общем-то, нравилось в хосписе, только она очень уставала от «культурной программы».

— Удивительное дело, в хосписе — и просто не толкнуться от клоунов, — ворчала она. — Безумный плазмодий. Даже умирающим в нем все время некогда — ни тебе итоги подвести, ни о смысле жизни подумать.

В хоспис действительно приходит очень много разных людей. Это не родственники и не друзья умирающих, просто люди. Есть артисты, которые выступают — поют, играют на всяких музыкальных инструментах, даже фокусы показывают.

— Нынешние-то люди всё больше в игровых зонах живут, — объясняла мне Би. — А настоящему артисту, хоть большому, хоть средненькому, хоть самому малю-

сенькому — ему ведь другое нужно, ему контакт подавай глаза-в-глаза, душа-в-душу... А где его взять? Нам-то, хосписным бедолагам, деваться некуда...

Обитателей хосписа каждый день куда-то приглашают. То скрипичный концерт, то выступление хора, то дети-гимнасты приехали. Би почти всегда отказывалась — мне даже немного неудобно было. И один раз я ее все-таки уговорил: мы посмотрели представление с говорящими попугаями — мне очень понравилось.

Есть и не артисты вовсе, а те, кто просто помогает, волонтеры. Их тоже очень много. Мама говорит, что это гуманно и благородно — тратить свое свободное время, силы и эмоции на помощь умирающим. Однако Би и этих не очень-то привечала. Если что-то было нужно, она предпочитала позвать кого-нибудь из персонала хосписа. Я как-то спросил ее: «Почему?» — и она ответила: «Без комментариев. Сам потом разберешься, если понадобится».

В палате у Би чаще всего была выключена и музыка, и запахи, и стенные панели. Но у нее и дома было так.

— Может быть, включишь? — спрашивал я, уходя. — Почему нет? Сделай что-нибудь тихое и красивое. Если хочешь, я сам...

— Нет. У меня в голове достаточно своих картинок и голосов, с которыми надо разобраться и попрощаться. Слишком длинная жизнь, — объясняла мне Би.

Однажды я пристраивал очередную розу в холле и ко мне подошла красивая серьезная медсестра в голубом костюме с зайчиками.

— Мальчик, ты навещаешь Клавдию Николаевну прилежней всех, значит, она тебе наверняка небезразлична. Мы бы хотели, чтобы ты поговорил с ней. Дело в том, что она почти полностью отказывается от лекарственного обезболивания. Это неправильно. Человек не должен страдать — ни физически, ни душевно...

— Почему? — спросил я потом у Би. — Зачем это ты так? Я согласен: если есть лекарство, зачем страдать?

— Какая великолепная чушь! — воскликнула Би, и у нее на бледных морщинистых щеках даже румянец появился. — Лекарства от смерти не существует! И тебе, мой мальчик, это известно не хуже, чем хосписной медсестре. А что касается страданий — так это вообще-то моя смерть, а не прогулка в весеннем парке! Очень важный и последний, как ни крути, этап. Следовательно, он должен быть как-то сильно природой обозначен, причем совершенно не обязательно комфортно. «Человек не должен страдать...» — вот глупость немереная! А как он тогда вообще узнает, что он за человек? Жизнь была ужасна и великолепна. И я вовсе не хочу под конец этого замечательного приключения превратиться в бесчувственное бревно, которое и не заметит, как умерло... Так им и передай... И что это вообще за безобразие — подкатывать с такими предложениями к

ребенку... Интересно, существует ли в этом терминальном раю жалобная книга?

— Она подошла ко мне, потому что именно я прихожу каждый день, — сказал я. Мне вовсе не хотелось, чтобы Би устроила скандал медсестре в костюме с зайчиками. — Она так видит и хотела как лучше. Ты же сама учила меня...

— Да. Она действовала аутентично своей должности и личности, а я не права. Ближе к смерти сварливость у атеистов повышается, и это неудивительно, — Би подмигнула мне. — А ты просто поплатился за свою аккуратность. Вообще, ты можешь не приходить завтра, кто-нибудь другой...

— Я приду завтра, — сказал я, не дав ей договорить — Сразу после занятий.

Мама моего папы и ее брат (дочь и сын Би) уже две недели после работы плюс два из трех выходных посещали специальную тренинговую группу «Подготовка и проработка потери». Там, как объяснила мне мама, под руководством специального психолога встречались люди, у которых родители умерли или вот-вот умрут. И рассказывали о своих чувствах, поддерживали друг друга. У некоторых родители скончались уже много лет назад, а те все продолжают туда ходить. «Это очень важно, потому что, сколько бы тебе ни было лет, родители как бы защищают тебя от той бездны за гранью, а после

их смерти ты сразу остаешься «на переднем краю», — добавил папа. — И потом, там у них уже образовалось что-то вроде клуба, они чай пьют, разговаривают, играют в волейбол в игровой зоне... Поддержка понимающих людей, прошедших те же испытания, — это очень помогает...»

В хоспис к Би ее дети приходили раз в неделю, по воскресеньям. Папа был однажды, вместе со мной. Вечером того дня он попросил его не беспокоить, закрылся в своей комнате, и, когда Ирма возила туда чай, я, кажется, видел и слышал там голограмму его психоаналитика Петра Григорьевича. Мама не ходила к Би ни разу, но в ее ежедневной таблетнице (я заглянул к Ирме в ящик) прибавилась какая-то маленькая голубенькая капсула. Думаю, это была мамина дань умиранию Би, потому что, как только Би не стало, капсула сразу исчезла.

На похороны Би меня не взяли.

— Это слишком психотравмирующая ситуация для ребенка, — сказала мама.

— Ты думаешь? — неуверенно спросил папа. Наверное, он все-таки вспомнил, как я целый месяц ходил в хоспис каждый день.

— Я уверена. Так считают все мои подруги и три психолога, с которыми я успела проконсультироваться. Дим с Клавдией Николаевной были близки, и пусть он запомнит ее живой. Если будут симптомы, что потеря

все-таки осталась непроработанной, я уже присмотрела хорошую детскую группу...

— У него действительно какая-то странная реакция, — сказал папа. — Он не плачет, ничего не спрашивает и не говорит. Дим, пойдешь в такую группу?

— Только без сознания или замотанным в ковер, — ответил я.

— Боюсь, что хотим мы или не хотим, но мы все еще очень долго будем вспоминать Клавдию Николаевну, — сказала мама.

И все ушли на похороны. А я остался дома.

Потом были поминки. На них я сам отказался идти.

Оставшиеся «на переднем краю» бабушка Ира и дедушка Илья уже купили путевки на горнолыжный курорт, чтобы улететь сразу после поминок. Руководитель группы сказал им, что перенаправление адреналина помогает справляться с острой травмой. С ними для поддержки летят еще четверо из психотерапевтической группы. Совсем старенькая подруга Би из Лос-Анджелеса долго расспрашивала меня о ее последних днях и просила потом прислать фотографию («Только, пожалуйста, не голограмму, миленький, у меня от них голова кружится!») могилы. Саша сказал, что, если я хочу, он сам или с помощью старшего брата может взломать кладбищенские защиты и пароли, и тогда я смогу через любой из

открывшихся каналов виртуально поприсутствовать на похоронах Би. Я отказался. Саша еще подумал и предложил мне что-нибудь большое и тяжелое разбить. Сам он так никогда не делал, но его отец говорил, что иногда это помогает. Разбивать я ничего не стал, заморозил всех зверей, выключил стены, включил Моцарта, поставил высокую черную розу в хрустальную вазу с водой и бросил туда таблетку аспирина.

Кажется, именно в этот вечер я сделал первый и очень решительный шаг к той самой черте.

Но возможно, наоборот — это был один из последних шагов, а первый случился гораздо раньше.

Глава 2

Тестирование

С Сашей мы познакомились, когда нам было, наверное, года по четыре. Максимум по пять. Нас, малышей, вместе с родителями собрали тогда в нескольких больших, сообщающихся между собой комнатах с игрушками. Стены там были голые, без экранов, я первый раз такие увидел и все трогал и терся о них (мне нравилась их разноцветная шершавость), а некоторые дети даже пытались эти стены лизать.

Многие малыши прятались — там для этого были специальные укрытия, — кто-то вцепился в родителей и висел на них, как обезьянка, а кто-то просто испуганно орал. Кажется, нас приводили туда несколько дней подряд.

Мне все происходящее ужасно нравилось: много новых людей, шумно и весело. Я отломал ручку от игрушечной швабры, бегал кругами по всем комнатам, размахивал этой ручкой и орал:

— Я джедай Круглого стола! Я джедай Круглого стола!

Почти все дети от меня шарахались, и это мне тоже нравилось. Но некоторые начинали бегать за мной и орать. Би сначала пыталась меня «утишить», а потом сказала:

— Что ж, дорогой, порезвись. Кажется, ты не так уж много добавляешь в этот дурдом.

Би тогда пришла со мной, потому что я жил у нее. Мои родители почти сразу после моего рождения решили, что, возможно, они недостаточно подходят друг другу, и у них трудности взаимопонимания. Они временно жили отдельно, чтобы друг друга не раздражать лишний раз, посещали семейную психотерапию и еще каждый своего аналитика. Семейный терапевт сказал им, что гармоничное воссоединение семьи или уж грамотный и психологически безопасный договор о деталях совместной опеки над ребенком обычно получается после четырех-шести месяцев проработки проблемы.

Бабушка Ира как раз путешествовала в круизе после расставания со своим третьим мужем, бабушка Маля восстанавливалась и проходила курсы адаптации к новому образу после общеомолаживающей пластической операции, а у дедушки Ильи был ответственный этап в рабочем проекте — он реконструировал игровую зону для вахтовых рабочих в Воркуте. Родители никак не могли договориться, с кем же я буду в это переходное время жить, иногда по три раза за сутки перевозили меня на автотакси туда-сюда и даже хотели отдать в «Сад радости», чтобы не обострять межличностных отношений и не наносить ущерба моей психике, но тут к маме без всяких предупреждений, вживую приехала Би и, не особенно даже с ней разговаривая («Серьезно разговаривать с большинством современных людей, увы, невозможно»), просто забрала меня к себе.

Мама и папа со временем поняли, что они друг другу все-таки подходят, и стали опять жить вместе. Психолог посоветовал им больше времени уделять друг другу, и они решили еще на некоторое время оставить меня у Би, чтобы я не отвлекал их от этого взаимного «уделяния». Потом у них были еще какие-то сложности, о которых я мало знаю. Но нас с Би все устраивало, и так все и шло.

Би со мной рисовала, играла в магазин, в кафе и в больницу, лепила снежки, надувала мыльные пузыри, показывала деревья, море, дождь и радугу. Радуга мне очень нравилась.